тии; ¹ Иоанн Новгородский плывет по Волхову вверх по течению на плоту никем неуправляемом; ² на льдине, приплывшей против течения к Боровицкому норогу, оказалось тело юродивого, судовщика Иакова, ⁸ и т. п.

Время создания третьей редакции также необходимо отнести к XVI в Указания на это мы находим, анализируя записи «чудес» в конце списков этой редакции: датировка наиболее ранних из них относится к\концу XVI в.

Резюмируем наши краткие замечания о «Повести Иулиании Вяземской».

«Повесть о Иулиании Вяземской» в своей первоначальной редакции (Сказание о Юрии Святославиче) была написана между 1530 и 1533 гг. Она была одним из намятников, создаваемых в эти годы в целях возвеличения рода великих князей месковских, и в свое время имела определенное политическое значение.

И задумана и осуществлена она была в связи с созданием «Стейенной книги», с которой она имеет большое сходство в идейном и стилистическом отнопиениях. Но по времени своего создания она относится к эпохе более ранней, чем время окончательного оформления «Степенной книги».

По своим жанровым и стилистическим особенностям — это и с т о р и - ч е с к о е — с к а з а н и е, в манере письма которого превалируют образы, лексика и фразеология летониси и исторической хроники над элементами агиографического стиля. Ее большая зависимость от летописи показывает нам, какую видную роль играла эта последняя в генезисе историко-бытевой повести на известном этапе ее развития.

В литературной истории этого намятника весьма любопытны полытки перередактирования его в агиографических целях. Из «Сказания о Юрии Святославиче» создаются в агиографических целях «Сказание о Симеоне-Мстиславиче» и «Повесть о Иулиании Вязелской». Последняя затем и принимает на себя роль официального жития Иулиании, постепенно обрастая посмертными чудесами. Летописная запись, историческое сказание, житие — таковы этапы литературной истории этого памятника.

История литературного обращения этого намятника, распространявшегося в читательской массе в XVII и XVIII вв. одновременно во всех своих трех редакциях, говорит нам о том, как быстро и легко были забыты первоначальные стимулы и создания и переработки его. Читательская масса читала и любила это произведение в более позднее время, очевидию, не за его первоначальный политический смысл и позднейшие агнографические тенденции Торжка, а за занимательность и трагичность его содержания.

¹ Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860, вып. 1, стр. 236.

² Ibid., crp. 246.

³ И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. (См. Сборн. ОРЯС Акад. Наук. СПб., 1880, т. XX, стр. 151—152.)

⁴ Ркп. Румянц. № 166, лл. 5-7.